

Глава 434: Палка Ортодоксальной Академии

Хотя Танг Тридцать Шесть в настоящее время обладал совершенно замаскированным видом и был одет в очень потрепанные одежды, в полном отличии от его внешности по слухам, его острые и недобрые слова и свободная и беззаботная энергия в его виде дали Тяньхай Я'эру очень быстро узнать, кто это был. Его лицо быстро стало крайне неприглядным.

В то время он отправился в Академию Небесного Дао, чтобы принять участие в Фестивале Плюща, именно потому, что Танг Тридцать Шесть заявил на всю столицу, что собирается сделать Тяньхай Я'эра инвалидом.

Окончательный исход этого дела был в том, что из-за ограничения учителями Академии Небесного Дао Танг Тридцать Шесть не смог принять участие в Фестивале Плюща. Тяньхай Я'эр, в поисках отговорки, чтобы действовать жестоко, покалечил одну из рук Сюаньюань По, но затем вскоре был покалечен Лоло.

Эти два индивида никогда не могли формально встретиться, но это не помешало Тяньхай Я'эру возложить всю вину за свой статус калеки на Танга Тридцать Шесть.

Он смотрел на Танга Тридцать Шесть, его лицо было бледным, а его глаза были наполнены горьким негодованием, желая, чтобы он мог просто уничтожить его. Но он ничего не делал. Наоборот, услышав слова Танга Тридцать Шесть и связав их с темпераментом этого парня по слухам, в его сердце возникло опасное предзнаменование. Он поспешил сказать с острым лицом: «Я говорил с Чэнь Чаншэном! У этого нет ничего общего с тобой!»

У этого тоже было чувство сродни 'просто приди и ударь меня'.

Тяньхай Я'эр был подлецом, бесстыжим и коварным человеком. Он мог посметь сказать эти слова любому, включая Чэнь Чаншэна, но Танг Тридцать Шесть был единственным исключением.

Потому что он знал, что Танг Тридцать Шесть действительно мог отбросить любое чувство стыда и ударить его.

Танг Тридцать Шесть был немного удивлен, найдя немного трудным поверить, что этот парень мог так быстро ответить. Он не мог придумать лучшего метода, так что просто решил быть неблагоприятным: «Мне все равно. В любом случае, я хочу драться с тобой».

Сказав это, он повернулся к Чэнь Чаншэну и сказал: «Помоги мне закатить мои рукава».

В данный миг его левая рука держала миску соевого молока, а правая рука держала половину ютяо. Для него было действительно невозможно самому засучить рукава.

Закатывание рукавов было действием, значительность которого понимал каждый. Это был сигнал к началу чего-то.

Лицо Тяньхай Я'эра было немного бледным: «Я определенно не буду драться с тобой. В любом случае, я - калека. Если ты не боишься потерять лицо, то можешь сделать это сам».

Чэнь Чаншэн как раз раздумывал, закатывать рукава Танга Тридцать Шесть или нет, но когда он услышал слова 'не боишься потерять лицо', он подумал: 'Ладно, нет необходимости думать об этом'.

Как и ожидалось, когда Танг Тридцать Шесть услышал эти слова, ему не только не хватало сомнений, его глаза засияли. Он спросил: «Что есть лицо?»

Тяньхай Я'эр беспокойно посмотрел на него и сказал: «Что ты думаешь делать? Не говори мне, что ты планируешь задирать такого калеку, как я, перед столькими людьми?»

Туманный дождь окружал Аллею Сотни Цветений. Сила дождя была не очень большой, и он даже постепенно слабел. Священники и стражи, ответственные за сохранение порядка, уже преградили аллею от многих зрителей.

Репутация Тяньхай Я'эра в столице была невероятно ужасной, но он был всего лишь юношей, который даже не достиг возраста четырнадцати лет. Более того, он уже был калекой почти год, две его ноги были настолько тонкими, что выглядели, как две жерди. Он выглядел очень жалким. Если кто-то атакует его, привязанного к коляске, это может спровоцировать много критики. Но как мог Танг Тридцать Шесть бояться критики или осуждения?

Он посмотрел на Тяньхай Я'эра и улыбнулся: «Ты знаешь, когда я был очень маленьким, было одно занятие, которое я любил больше всего».

Тяньхай Я'эр уставился ему в глаза и сказал немного дрожащим голосом: «Какое занятие?»

Танг Тридцать Шесть ответил: «Моим любимым занятием было брать посох и гонять собак, которые упали в реку, непрерывно их избивая».

Тяньхай Я'эр понял смысл его слов, и через него прошла холодная дрожь. Своим дрожащим голосом он закричал: «Кто-нибудь, придите скорее! Единственный внук Вэньшуй Тангов кого-то избивает! Он хочет использовать какой-то коварный метод на таком калеке, как я!»

Танг Тридцать Шесть не особо спешил, позволив ему кричать. Лишь после того, как голос Тяньхай Я'эра наконец-то остановился, он повернулся к толпу на улице и заявил: «Все отчетливо видели, что я не ударил его своими руками».

Он действительно не ударил Тяньхай Я'эра, даже не задев его одежды.

Когда он говорил, он даже поднял свое соевое молоко и ютяо в руках, указывая толпе, что даже если он захочет, он не сможет ударить Тяньхай Я'эра.

Затем выражение его лица вдруг стало холодным, а его нога совершила безжалостный пинок в грудь Тяньхай Я'эра!

Раздался глухой звук.

Тяньхай Я'эр был пнут со своей коляской в дождевую воду, и его голова начала кровоточить от падения.

Танг Тридцать Шесть слишком безжалостно пнул его. Покалеченный юноша сжался, как креветка, его лицо было невероятно бледным, и он был в такой боли, что даже не мог говорить.

Область перед воротами Ортодоксальной Академии и снаружи Аллеи Сотни Цветений были мертвенно неподвижными. Никто ничего не говорил.

Никто не думал, что этот юноша, который улыбался им, пока держал соевое молоко и ютяо, хохоча, как идиот, в следующий миг нанесет такой жестокий удар по калеке в инвалидной

коляске!

Стражи клана Тяньхай и Чжоу Цзыхэн тоже не могли представить этого, но они были слишком далеко, чтобы остановить это.

Со свистом ветра стража клана Тяньхай быстро поспешили на место действия и поместили Тяньхай Я'эра под их защиту.

Чжоу Цзыхэн недавно отбросил тот бумажный зонтик, а его правая рука уже сжимала рукоять его меча. С выражением ярости он уставился на Танга Тридцать Шесть, по-видимому собираясь атаковать в следующий миг.

Танг Тридцать Шесть продолжил игнорировать этого эксперта Конденсации Звезд. Глядя на толпу вокруг, он поднял боевое молоко и ютя в руках еще выше и заявил: «Все могли отчетливо видеть, я действительно не использовал мои руки, и тем более не атаковал ими. Я использовал пинок».

Все действительно так и было. Он не использовал никаких коварных методов против Тяньхай Я'эра. Он использовал свою ногу.

С разозленным ревом Чжоу Цзыхэн вынул меч из ножен. Его намерение меча вдруг возросло, реверберируя в пространстве перед Ортодоксальной Академией.

Целью этого могущественного намерения меча, очевидно, был Танг Тридцать Шесть.

В просмотре монолитов и познании Дао в Мавзолее Книг и через усердную культивацию, уровень Танга Тридцать Шесть стремительно прогрессировал. В своем возрасте он совершил невообразимый подвиг культивации до верхнего уровня Неземного Открытия. Но он все еще не был противником для кого-то на стадии Конденсации Звезд.

И все же он продолжал игнорировать Чжоу Цзыхэна, входя через ворота Ортодоксальной Академии, даже не взглянув на него.

С того момента, как он вошел на Аллею Сотни Цветений и обратил свой взгляд на Чжоу Цзыхэна, он понял, что этот человек отчаянно хотел быть увиденным миром. Поэтому, с того самого момента он даже не взглянул на него.

Конечно же, это было унижение.

Чжоу Цзыхэн был священником Зала Покорения, почетным гостем клана Тяньхай, а также учителем Академии Жрецов. У него было право быть высокомерным за любую из этих идентичностей.

Как мог высокомерный человек возможно выдержать такое унижение? Так что, хоть он уже знал о личности Танга Тридцать Шесть, он все равно вынул меч.

Он не смог вынуть меч.

Лишь был слышен звук натягивания многочисленных тетив.

Несколько десятков стражей, стоящих перед спиной Танга Тридцать Шесть, держали божественные арбалеты в руках, и в стрелах арбалетов чувствовались колебания ци. Они были невероятно ужасающими.

Заместитель генерала стоял позади с суровым лицом. Его рука сжимала рукоять меча, когда он уставился в глаза Чжоу Цзыхэна. Предупреждение было исключительно ясным: если он двинется, он умрет.

Танг Тридцать Шесть и Чэнь Чаншэн вошли в Ортодоксальную Академию. Когда врата закрывались, они хлопнули.

Этот звук был похож звук звонкой пощечины.

Стражи помогли Тяньхай Я'эру встать. Его лицо было бледным, а его страдания - невыносимыми.

Чжоу Цзыхэн стоял среди мелкого дождя с бледным лицом. Он холодно спросил заместителя генерала: «Я хочу узнать, знает ли Божественный Генерал Сюэ об этом деле?»

Как все знали, стражи, ответственные за безопасность столицы, все были под командованием Божественного Генерала второго ранга, Сюэ Синчуаня, и этот Божественный Генерал всегда был лояльным к Божественной Императрице.

Сегодня отношение стражи, показанное перед вратами Ортодоксальной Академии, было очевидно враждебным к клану Тяньхай.

Заместитель генерала посмотрел на Чжоу Цзыхэна, как на идиота: «У семьи моего дедушки по материнской линии есть всего один ребенок. Если я не прегражу тебе путь, значит ли это, что ты хочешь смерти всей твоей семьи?»

Сказав это, он махнул рукой, указывая своим подчиненным, что они могут расходиться. Затем он направился к таверне напротив дороги Ортодоксальной Академии, чтобы продолжить пить чай и глядеть вдаль.

Внутри Ортодоксальной Академии Сюаньюань По и Чэнь Чаншэн с энтузиазмом стали с обеих сторон Танга Тридцать Шесть поближе, когда пошли в библиотеку.

«Этот весь энтузиазм от вас, ребят, действительно заставляет меня чувствовать себя неудобно», - Танг Тридцать Шесть посмотрел на выражения их лиц и нашел их немного странными.

Лицо Чэнь Чаншэна было лицом полного облегчения, а Сюаньюань По тоже выглядел так, как будто с него сняли большой груз.

«Ты не знаешь, но в эти последние несколько дней тот покалеченный маленький монстр каждый день был перед вратами, выкрикивая оскорбления и ругательства. Мы почти не могли выдержать этого, так что просто ждали твоего возвращения»,

Чэнь Чаншэн сказал ему в благодарности: «Как и ожидалось, в тот миг, когда ты вернулся, ты решил эту проблему, иначе я действительно не знал бы, что делать».

Танг Тридцать Шесть был немного горд, но и немного раздражен: «Вы просто позволяли ему сидеть перед вратами и проклинать? Пора повзрослеть!»

Чэнь Чаншэн неуклюже сказал: «У меня действительно нет опыта, как справляться с подобными вещами».

Позади него Сюаньюань По добавил: «Тяньхай Я'эр воспользовался своим статусом калеки, чтобы слепо проклинать нас. Его даже не заботит собственная гордость, что мы могли поделаться? Ты говоришь, что мы действительно должны были просто избить его?»

Танг Тридцать Шесть подумал про себя: 'Не дал ли я только что ему хороший пинок? Я ударил его очень счастливо, так почему ты не можешь?'

Чэнь Чаншэн беспомощно сказал: «Тот парень в данный миг подобен куче экскрементов. Как бы с ним не обращаться, нельзя не запачкать руки, так что мы были вынуждены ждать твоего возвращения».

Танг Тридцать Шесть спросил: «Почему вам требовалось ждать моего возвращения?»

Чэнь Чаншэн повернулся и выглянул из окна на пейзажи.

Сюаньюань По был более искренним: «У тебя есть больше опыта в этом аспекте. К тому же, мы также знаем, что ты еще меньше заботишься о гордости, чем он».

Танг Тридцать Шесть был немного удивлен, услышав это, а потом был разъярен: «Что это значит? Вы оба, лучше ясно скажите мне, что это значит! Может быть, с вашей точки зрения, я тоже кусок дерьма?»

Сюаньюань По на миг потерял дар речи, не зная, как ответить. Он хотел сказать несколько слов, чтобы разъяснить, но потом осознал, что не знает, как сказать это.

Чэнь Чаншэн утешающе сказал: «Мы имеем в виду твои навыки бесконечно докучать и не бояться грязи, что как раз будет полезно против такого человека»,

Танг Тридцать Шесть перестроил это предложение в своей голове и разозлился еще сильнее: «Разве это не просто палка, которой мешают дерьмо? Как это может быть лучше!»

Конечно же, он действительно не был зол, а просто дурачился с ними. Чэнь Чаншэн и Сюаньюань По действительно лишь могли ждать возвращения Танга Тридцать Шесть. Ни один из них не был хорош со словами, и тем более с коварными интригами. У Лоло, естественно, был этот навык, но ее статус был слишком чувствительным. Поэтому, если они хотели решить проблему, которая стояла перед Ортодоксальной Академией, они лишь могли возложить свои надежды на Танга Тридцать Шесть. В действительности, очень мало людей заметило, что Танг Тридцать Шесть был ответственен за решение многих проблем, с которыми сталкивалась Ортодоксальная Академия.

Услышав, как Чэнь Чаншэн объясняет новое правило Ортодоксии, Танг Тридцать Шесть пораздумывал над этим, а потом макнул ютя в руках в миску соевого молока и заявил: «Затопить их до смерти».

Чэнь Чаншэн и Сюаньюань По не понимали - что он имел в виду под 'Затопить их до смерти'?